

Паймина О. С.

**ОЛОВЯННЫЙ, ДЕРЕВЯННЫЙ, СТЕКЛЯННЫЙ И ПРОЧIE ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ПРАВИЛ:
СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/58.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 139-141. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

областей бытия и небытия, всех направлений мира» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 312]. Г. Шпет говорил о «словесном знании» [Шпет, 1996]. Приведенные рассуждения ученых прошлого подтверждают идею о том, что языковое знание - это все то, что данный язык знает (на уровне рациональном / сублогическом) о действительности и о себе как фрагменте этой действительности.

Использование определенных языковых и внеязыковых знаний требует от человека способности придать поступающей к нему информации упорядоченный характер, свести бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и ее движения в определенные рубрики - классы, разряды, группировки, множества, категории [Кубрякова, 1997, с. 45].

Действительность становится реальностью сознания через опредмечивание ее через имя, которое, единожды возникнув, получает или не получает дальнейшее право на свое место в языке. Поэтому характерной чертой языков, как считал Дж. Лайонз, является то, что они налагают на телесный мир некоторую лексическую категоризацию и как бы проводят в различных местах произвольные границы [Lyons, 1977]. По мнению Д. Тейлора, все классификации человека являются лингвистическими, поскольку они тесно связаны с такими умозаключениями, о которых мы узнаем благодаря языку [Taylor, 1989].

Таким образом, исследуемые ментальные сущности, мыслительные и языковые категории, организующие человеческие знания и опыт, являются продуктом активной классифицирующей деятельности человеческого сознания и мышления. Они сущности результирующие, вторичные по отношению к объективной реальности, до человека и вне человека не существующие.

Список использованной литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред., с вступ. статьей и коммент. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Язык и языки // Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х томах. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2.
3. Большой энциклопедический словарь (БЭС). Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
4. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. М.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1971.
5. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990.
6. Ельмслев Л. Можно ли сказать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962.
7. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пасека, С. П. Сафонова. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.
8. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.
9. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Воен. ин-та иностр. языков. 1945. № 1.
10. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997.
11. Шпет Г. Г. Язык и смысл // Логос. 1996. № 7.
12. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974.
13. Lyons J. Semantics. Cambridge: The Cambridge University press, 1977. Vol. 2.
14. Taylor J. R. Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory. Oxford: Clarendon press, 1989.
15. The linguistic turn / ed. by R. Rorty. Chicago-L.: The University of Chicago press, 1967.

ОЛОВЯННЫЙ, ДЕРЕВЯННЫЙ, СТЕКЛЯННЫЙ И ПРОЧИЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ПРАВИЛ: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Паймина О. С.

Казанское высшее военное командное училище

Подавляющее большинство исключений из орфографических правил в современном русском языке уходит своими корнями в его многовековую историю, которая хранит массу ещё неразгаданных языковых тайн.

Исключения из правил и так называемые словарные слова в русском языке в большинстве случаев объясняются историческими причинами, причём как собственно языковыми, так и экстралингвистическими.

Появление удвоенных согласных зачастую связано с историей редуцированных гласных. Например, жжёт (*жъжетъ*), незаконный (ср. *беззаконници*). Мы вынуждены запоминать удвоенные согласные в корне слова, ведь их средствами современного языка никак не проверишь. Другое дело удвоенные согласные на стыке морфем. Но как объяснить появление удвоенных согласных внутри суффиксальной морфемы?

Некоторые слова попадают в разряд исключений в силу небрежного обращения с ними. В языке, как в любом организме, нет ничего лишнего, ненужного. Даже если мы крайне редко используем те или иные языковые средства (графемы, лексемы и т.д.), не стоит забывать об их существовании или недооценивать их роль. Так, упразднение и десятиричного в результате орфографической реформы 1918 года заставляет школьников ломать голову над смыслом названия романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

«Забыв» о существовании глагола ветрить, мы получили исключение среди прилагательных с суффиксом -енн- - ветренный. А ведь логично было бы отнести его в разряд отглагольных прилагательных, таких как пареный, жареный. Конечно, у глагола ветрить был специфический субъект действия - ветер, но это не противоречит логике русского языка. Тогда мы бы получили следующие соответствия:

масляный ← масло, то есть 'сделанный из масла', и масляный ← маслить - 'покрытый маслом';

ветряный (и ветряной) ← ветер - ‘состоящий из ветра’, ‘с ветром’ и ветренный ← ветрить; «вѣтрѣный (причастіе-прилагательное отъ малоупотр. гл. вѣтрить). Подверженный дѣйствию вѣтра, имѣющий къ нему отношеніе» [Грот, 1876, с. 426], - и одним исключением из правил было бы меньше. (Необходимо отметить, что старорусские памятники знают написания с двумя н в суффиксах: *вѣтра^ни* и *вѣтре^ни* [Срезневский, 1913, с. 507].)

Однако Я. К. Грот не последователен в проведении мысли о разграничении производящих основ в рассмотренных примерах: «Отъ именъ вѣтеръ и масло могутъ образоваться прилагательныя двояко, съ различными отѣнками значенія: *вѣтряный* и *вѣтрѣный*, *масляный* и *масленый*» [Там же, с. 255].

В современном русском языке прилагательные со значением ‘сделанный из того, что указано в производящей основе’ образуются с помощью суффиксов -ан/-ян- и -онн/-енн-. Исключения связаны с вариантами, содержащими гласный переднего ряда. Именно они и станут предметом нашего исследования. Так как прилагательное-исключение с суффиксом -ен- вместо -енн- мы уже рассмотрели, перейдём к анализу прилагательных-исключений с суффиксом -ян-.

Все мы прекрасно помним, что в суффиксах прилагательных -ан/-ян пишется одна буква н, исключения составляют *оловянный*, *деревянный*, *стеклянный*.

Что же мы видим?

1. Среди исключений только прилагательные с суффиксом -ян-.

2. Гласный в суффиксе под ударением. Но это обстоятельство не может считаться достаточным аргументом, объясняющим появление удвоенной н. Есть немало прилагательных, в которых суффикс ударный. Например, конопля^ный (конопля), овся^ный (овёс).

3. Все прилагательные образованы от существительных среднего рода с твердой основой: Олово, дЕрево, стеклО.

Так как в той или иной мере «прародителями» буквы я современного русского языка являются буквы а йотированное, юс малый, юс малый йотированный, следует обратиться к истории появления, развития и бытования суффикса -ян-.

В старославянском языке для образования прилагательных со значением ‘сделанный из чего-либо’ использовался суффикс -ѣн-, который в древнерусском языке трансформировался в суффикс -ан-. С течением времени суффикс -ан- развивает второй носовой согласный. В памятниках XVII века (во всяком случае, религиозно-мистической направленности - молитвы, заговоры) мы находим множество примеров с подобными написаниями: *ура^з дерев^аны^е*, *ура^з кост^аны^е*, *ура^з железны^е*, *уразы земл^аны^е* [Там же, с. 484]; *при^ткну бе^зим^аны^и пе^рсто^и* [Там же, с. 485]. (В этот период страдательные причастия прошедшего времени приобретают вторую букву н в суффиксе, чтобы отличаться от отглагольных прилагательных, которые и в современном русском языке сохранили написание с одной н. Например, *воизбра^ное воеводе* [Там же, с. 492]; *нетл^бную ризу* [Там же, с. 498]; *преда^ны^и мнѣ ѿ Б^га на сохранение* [Там же, с. 500]). Причём встречаются окказиональные, не исключено, что ошибочные, написания с тремя буквами н в суффиксе -^анн-.

По замечанию Я. К. Грота, в первой трети XIX века в суффиксах прилагательных писалось две буквы н независимо от характера предшествующего гласного (а, я, е, о). К середине века подобная тенденция сходит на нет. Однако сохраняются колебания в написании не только количества согласных н - две или одна (*стеклянный* [Словарь, 1868, т. 4, с. 468]; *серебряной матеріи* и *мужичекъ серебрянный* [Буслаев, 1856, с. 54]), но и в характере предшествующего гласного: *серебрѣный* и *серебрянный* [Словарь, 1868, т. 4, с. 249-250], *серебрѣнный* и *серебрянный*. К 1876 году все прилагательные с суффиксом -ян- пишутся с одной буквой н. Исключение составляют два слова: *деревянный* и *оловянный* [Грот, 1876, с. 255; Словарь, 1867-1868, т. 1-4], которые, по мнению того же Я. К. Грота, должны были в ближайшем будущем выйти из разряда исключений. Однако этого не произошло. Более того, количество исключений возросло до трёх. Это привычные нам *оловянный*, *деревянный*, *стеклянный*. Три этих прилагательных стали исключениями в период с 1876 по 1894 год, о чём свидетельствуют работы Грота: «Въ немногихъ вещественныхъ прилагательныхъ окончаніе *яный*, при удареніи на предпоследнемъ слогѣ, превращается, согласно съ произношеніемъ, въ *янный*: *деревянный*, *оловянный*, *стеклянный*» [Грот, 1894, с. 73].

Таким образом, проведённое исследование позволяет говорить о том, что закрепление в качестве исключений прилагательных *оловянный*, *деревянный*, *стеклянный* и прилагательного *ветренный* носит экстралингвистический, а не внутриязыковой характер и во многом является волевым решением определённой группы людей. В подтверждение приведём слова академика Я. К. Грота: «Во многихъ случаяхъ наше правописаніе установилось давно уже, хотя и не всегда правильно: измѣнять его въ подобныхъ случаяхъ не представлялось удобнымъ, потому что такого рода измѣненія могли бы только поколебать *существующее соглашеніе* и вызвать новыя разнорѣчія въ нашемъ письмѣ» [Там же, с. 3-4].

Список использованной литературы

1. Буслаев Ф. И. Византийская и древнерусская символика. М., 1856.
2. Грот Я. К. Русское правописание. СПб., 1894. 180 с.
3. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания отъ Петра Великаго донынѣ. СПб., 1876. 462 с.
4. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка. СПб., 1867. Т. 1-3; 1868. Т. 4.
5. Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для Императорской академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.

СУЩНОСТНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРИНЦИПА КОНТРАСТА И ОБРАЗНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Патюкова Р. В.

Кубанский государственный университет

Одним из фундаментальных композиционно-стилистических принципов организации речи является прием контраста [Бочина, 2003, с. 5; Ильченко, 2008, с. 48]. Контраст отнесен к приемам и при этом характеризуется как принцип. В связи с неравномерностью исследования соответствующего феномена возникает необходимость проследить развитие логической структуры понятия «принцип контраста». На такой основе возможно мотивировать и его конкретизацию как принципа образного контраста, и его закономерный характер в политическом дискурсе, что и будет, является задачей данной статьи.

Для развития логической структуры понятия «принцип контраста» становится необходимым определить два основных взаимосвязанных между собой направления.

Во-первых, контраст издавна связывают с наиболее общей значимостью противоположения, противоположностью, противопоставления.

Во-вторых, контраст в лингвистической трактовке неотделим от системы соответствующих языковых и речевых средств. Их иногда именуют сигналами контраста [Азнаурова, 1976, с. 216].

Общепризнанной является многоаспектность контраста. Например, Г. В. Андреева определяет контраст как многоаспектное явление, актуализирующее в художественном тексте категорию противоположности. Вслед за И. В. Арнольд Г. В. Андреева считает контраст одним из типов выдвижения значимой информации. Именно в силу многоаспектности контраст толкуется в этой традиции шире, чем понятие стилистического приема, поскольку в реализации контраста принимают участие как нормативные, так и выразительные средства языка, организованные принципом контрастности [Андреева, 1986, с. 65].

На наш взгляд, многоаспектность не отменяет целесообразности упорядоченного анализа логической структуры понятия. Основные аспекты контраста характеризуются исследователями в трех направлениях.

Одно из них заключается в том, что ученые стремятся сконцентрировать аспекты в емком родовом понятии, определяя контраст как вид фигуры или вид отношения: это «фигура речи, состоящая в противопоставлении лексико-фразеологических, фонетических, грамматических единиц, воплощающих контрастное восприятие действительности» [Там же, 1993, с. 12]. В таком же плане «контраст характеризуется как определенное отношение между явлениями, понятиями, языковыми единицами, а именно: отношение противоположности; отношение противопоставленности [Кузнецова, 2003, с. 20]. При этом раскрывается двусторонняя сущность понятия контраста: наличие как плана содержания (отношение противоположности), так и плана выражения (отношение противопоставленности).

Следующее направление характеризуется тем, что, в интерпретации контраста подчеркивается целочастная динамика. Отмечается, что контраст выступает как часть (элемент, компонент) в составе текста как целого, и в то же время сам контраст обладает сложным составом. «Это один из элементов, составляющих качественную систему стиливого и структурного порядка» [Бочина, 2003, с. 120]. Контраст является «структурно-семантическим компонентом композиционного и идейно-эстетического уровней художественного текста. В таком случае семантической доминантой контекста является противопоставление, связанное с контрастным восприятием действительности автором. (...) Под контрастом в этом случае понимается такой способ развертывания речи, который заключается в динамическом противопоставлении содержательно-логических и структурно-стилистических планов изложения» [Чмыхова, 1992, с. 133]. «Контраст, выступающий способом мировосприятия и важнейшим содержательным компонентом текста, представляет собой систему разнообразных изобразительно-выразительных средств» [Там же].

И последнее третье направление определяется как способ, тяготеющий к функциональному дефинированию - отсюда его истолкование как вида средств, например, средств выдвижения: «В рамках теории декодирования к средствам выдвижения относится наряду с конвергенцией стилистических приемов (т.е. использованием сочетания нескольких приемов), повтором, сцеплением (т.е. неоднократным повторением сходных изобразительно-выразительных средств в сходных позициях), обманутым ожиданием также *контраст*» [Арнольд, 1975, с. 84].

Выявленное обилие аспектов логической структуры понятия представляется производным от двух главных свойств соответствующего феномена: от его многомерности и от разнообразия репрезентаций (при сохранении концептуального ядра, обеспечивающего логическое единство). Указанные аспекты дополняют друг друга.